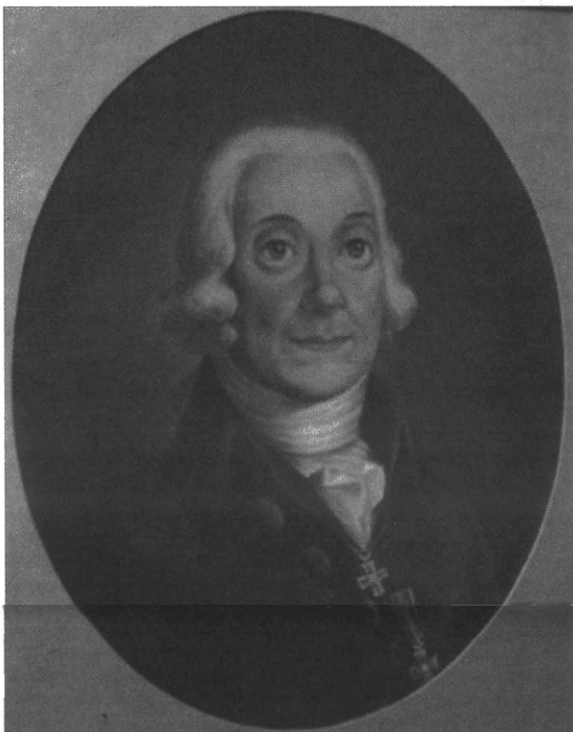

Бурятия глазами Палласа

В середине октября в Чите состоялся Всероссийский симпозиум, посвящённый памяти выдающегося учёного Петра Симона Палласа. В работе симпозиума приняли участие учёные не только Забайкалья, но и Бурятии, Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Челябинска и других научных центров страны. Мало кто знает, что Пётр Паллас внёс огромный вклад в изучение России. Он вдоль и поперёк исколесил нашу страну. Один из разделов его книги посвящён Бурятии.

Так кто такой Паллас? Почему его труды не утратили своей ценности по сей день и широко используются нашими историками и краеведами? Об этом нам рассказал кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии ВСГУТУ РБ Евгений Голубев, который представлял Бурятию на прошедшем симпозиуме.

ОТ АСТРАХАНИ ДО БУРЯТИИ

Выдающийся путешественник и естествоиспытатель Пётр Симон Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 года в семье врача. С ранних лет увлекался естествознанием. После защиты докторской диссертации он работает в Лейдене, а затем совершает путешествие в Англию для изучения ботанических и зоологических коллекций.

Осенью 1766 года Пётр Симон Паллас, получив от императрицы Екатерины Второй приглашение работать в России, приехал в Санкт-Петербург. В декабре

отморозил себе ноги. Зато позднее изучение черепа носорога, найденного в зоне вечной мерзлоты у Вилюйска, и костей других древних животных Сибири нашло отражение в его научном труде «Наблюдение над ископаемыми костями Сибири, особенно над черепами носорога, буйвола, слонов».

Дорога через Байкал надолго запомнилась учёному. «Чем ближе к Байкалу подъезжаем, – писал в своём дневнике Паллас, – тем горы становятся выше и вид личее... Жерло реки Анггары с обеих сторон стеснено каменными горами, промеж которых, как будто сквозь ворота, великое море пространства и стоящие по берегу каменные хребты видны».

Далее учёный отмечал, что на полдороге подул очень сильный ветер и ямщикам даже пришлось выткать острые ножи в лёд, чтобы **сдерживать сани на месте.**

На ночлег путешественники остановились в зимовье, где застали охотников-нерповщиков. С их слов Паллас записал подробности охоты на нерпу. Промысловики осторожно подползают к нерпе на саночках с белым парусом, который она принимает за торос. Охотники в это время быстро прицеливаются и стреляют в неё. Они же поведали учёному, что самый лучший промысел байкальской нерпы бывает в апреле.

До самого вскрытия Байкала учёный путешествовал по селенгинской степи, изучая быт и хозяйственный уклад, ремёсла и религию бурят. Паллас очень лестно отзывался о коренных

обитателях Бурятии, отметив в своём дневнике: «...Местные народы имеют природный ум, хорошую память и большую способность к наукам».

ИЗУЧАЯ ЖИЗНЬ БУРЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

Следует отметить обстоятельность и достоверность сообщений Палласа о хозяйстве бурят. «Скотоводство у бурят, – пишет он, – всё ещё является самым значительным и наиболее обычным видом хозяйства. Скотоводство должно было приспособиться к горному характеру страны и её климату. Так как в Бурятии бывает продолжительная и суровая зима, то зимой кое-как перебиваются. Несмотря на это, буряты оставляют стада на произвол природы и не беспокоятся **о том, чтобы заготовить запас сена для зимы.** Только для ягнят сберегается незначительное количество корма».

Обращая внимание на экстенсивный характер скотоводства, Паллас приводит данные о составе стада у бурят: «Бурятские лошади малосильны, малы ростом и плохи. Весной они имеют вид ещё более жалкий и истощённый, чем верблюды. Но затем поправляются и становятся бодрыми, крепкими. Рогатого скота буряты в большинстве случаев имеют меньше, чем лошадей. Он даёт необыкновенно мало молока...».

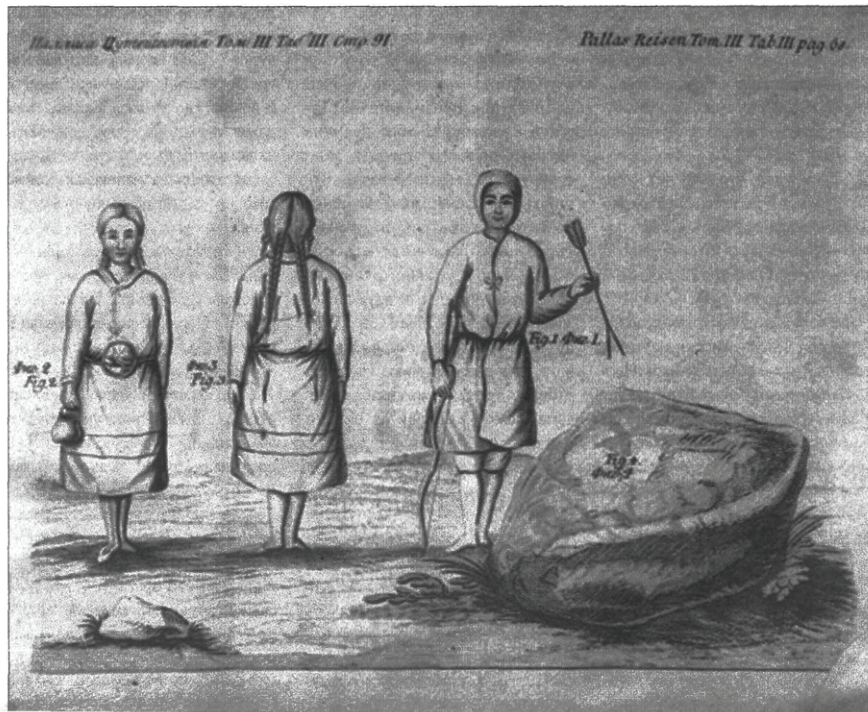
Тем не менее, по свидетельству учёного: мясо, молоко крупнорогатого скота являлись одними из основ-

ных продуктов питания у бурят и к тому же имели определённое преимущество перед кониной. К тому же ни одно бурятское хозяйство не могло обходиться без шкур рогатого скота, которые шли на изготовление подошв для всех видов обуви.

По сравнению с Гмелиным, Георги и другими предшествующими исследователями Бурятии Паллас даёт более подробную характеристику видовой структуры скотоводства, подчёркивая, что одной из главных его отраслей является коневодство. Оно даёт кочевникам мясо, молоко, из которого готовятся сыр и водка, шкура идёт на изготовление одежды, мехов для хранения жидкостей, из костей делают стрелы, из волос хвоста и гривы – верёвки.

Замечая, что условия для разведения овцеводства в Западном и Восточном Забайкалье различаются, учёный пишет: «В долине реки Селенги овцы мелки по своей величине, лишь немногим превосходят русскую овцу и имеют маленькие курдюки».

Далее он отмечает, что овечья шерсть шла главным образом на изготовление войлока, шкуры – на одежду, мясо и молоко – как необходимые продукты питания. Паллас обращает внимание на то, что подножное содержание скота в течение круглого года имело свои отрицательные последствия, особенно в случае гололеда или затянувшейся зимы, а именно массовую гибель скота, истребление его хищными зверями или же падеж из-за различного рода эпизоотии.

Петра Симона Палласа,

Медицины доктора, натуральной истории Профессора,
Санктпетербургской Императорской Академии Наук и
Вольного Экономического общества, Гисской Императорской Академии, Королевского Английского собрания и
Берлинского естественноиспытательного общества
члена

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦИЯМЪ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Часть третья.

половина первая.

1778 и 1779 годовъ

перевалъ

Василій Зуевъ.

**ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ
1788 года.**

Паллас отметил сокращение амплитуды кочевых бурятских скотоводов, которое также заметили иностранные путешественники ещё в конце XVII столетия. «Буряты, живущие в районах Иркутском, Балаганском и Верхеленском и на острове Ольхон, хотя и не меняют ещё, вследствие неблагоприятных естественных условий, скотоводства и охоты на земледелие, в значительной их части уже привыкли к более осёдлому образу жизни».

В Бурятии Паллас пробыл до июля 1772 года. За это время он успел побывать на озере Большое Еравное, «перевалил» хребты Худунский, Цаган-Дабан, по рекам системы Селенги добрался до Гусинога озера, посетил Верхнеудинск, Селенгинск и Кяхту, обогнул южный берег Байкала вплоть до Ангары и даже описал его.

КЯХТИНСКИЕ КУПЦЫ «ЗАПОИЛИ» ПАЛЛАСА ЧАЯМИ

По свидетельству Палласа, в Верхнеудинске всё ещё существовала деревянная острожная крепость с четырьмя башнями и одними воротами, опустевшая, однако, к тому времени, ибо все её жители переселились в слободу, которая и стала разрастаться как город. Слобода занимала территорию от подножья горы, на которой стоял острог, до правого берега Селенги. В городе имелись «многие изрядные дома» верхнеудинских купцов, занимавшихся торговлей скотом, бурятским овчинами и пушниной. Учёный

отмечает, что одних только беличьих шкур вывозилось ими на кяхтинский меновой торг до 400 тысяч штук ежегодно.

Жители Верхнеудинска занимались также перевозкой казённых и частных товаров, поступавших из Иркутска и других мест добайкальской Сибири и европейской России, на нерчинские заводы и в Кяхту. Как утверждает Паллас, они получали изрядную выгоду от «провоза хлеба и соли на Даурские сереброплавильные и свинцовые заводы и подъяру на обратный путь под свинец, равным образом от поставления солёной рыбы, наипаче омулей, в места по ту сторону гор, где рыбой недостаточные».

«Мимо Удинска проходит большая Нерчинская дорога, — отмечал учёный, — но по которой не везде столбы стоят и не везде исправлена или мосты имеются, а оставлена так, как она есть, потому что по ней не всегда ездят, а перевоз и другие казённые посылки всегда случаются зимою».

По пути в Кяхту Паллас обратил внимание на быт и хозяйства уже освоившихся старожилов, которые «сеют здесь ярицу... и по два пуда на каждую десятину ежегодно сдавать обязаны», и новопоселённых польских колонистов (семейских), которые «живучи уже лет с шесть и до сих пор пашнею не завелись» из-за сурового климата.

В Кяхте гостеприимные купцы, обрадовавшись приезду нежданного гостя, настало «запоили» его чаем, что Паллас не знал, как избавиться от многочисленных главных приглашений. «Наилучшие обыватели в Кяхте — русские купцы или

приказчики из главных русских контор, — отмечает он в своём дневнике. — Здесь повсюду господствует обыкновеннейшее всегда пиришество, какого, кроме Иркутска, почти ни в каком сибирском городе не найдёшь. Но обхождение кяхтинских жителей было бы куда приятнее, если бы компаниям не так чрезвычайно чаем докучали, ибо каждый купец тем только щеголяет, что приезжому гостю ставит чай от всех сортов...».

Описание кяхтинской торговли, обычаев китайцев из пограничного города Маймеча составили несколько глав третьего тома его «Путешествие по разным провинциям Российского государства».

Паллас также отмечает, что ещё до прихода русских буряты уже добывали и плавил металл. «Самая лучшая руда, что куйтунские мужики в своих кузницах плавят, берётся подле родника к северу-востоку близ вершин реки Киттыча с полверсты от неа рестиюнием», — сообщает учёный, подробно описывая технологию добычи и выплавки железной руды, применяемую местными кузнецами. По свидетельству Палласа, местные жители также знали месторождения серебряных руд. Так, хоринский тайша Эринцэ в 1758 году сообщил русской администрации о наличии серебряной руды на горе Майла по реке Кудуну, где началась её разработка.

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ К ОБОИМ КУЛЬТАМ

Учёный обращает внимание на начавшуюся распространяться среди бурятского населения буддийскую религию. Так, в частности, он отмечает, что среди хоринских бурят «всё более и более число духовных лиц ламайского культа, которые очень ревностны и с каждым днём увеличивают число своих последователей среди бурят... Тайши и знатнейшие из зайсанов почти все приняли ламайское исповедание». Роль и значение тайшей и зайсанов в бурятском обществе Паллас оценивал достаточно высоко, хотя и своеобразно: «...Подати уплачивают родоначальники от лица рода, а потом сами уже раскладывают и собирают их обильным приращением, посредством чего своих подчинённых держат в зависимости от себя».

Паллас, как и другие исследователи того времени, отмечал положительное влияние буддийской религии на хоринских бурят-шаманистов, не преминув заметить, что у многих из них наблюдается приверженность к обоим культам, но с перевесом в сторону буддизма. По свидетельству учёного, об упадке шаманизма говорят не только посредственные одеяния шаманов, но и набор шаманских принадлежностей, и само качество исполнения шаманских камлений.

БАЙКАЛ — МОРЕ, ПОДОБНОЕ УЖАСНОЙ ПРОПАСТИ

«Я должен признаться, — писал в заключении Паллас, — во всю мою сибирскую дорогу, считая от Уральских гор, кои за между меж Европой и Азией почитать можно, даже до Байкала столько нового и достопамятного и зверей и трав не собрал, кои на пограничных местах с Монголией и на северной стороне Байкалом окружённой. Однако, при всём том, сей природы произведение нигде в таком множестве, в таком совершенстве и постоянстве не было, как в их Отчизне — Даурии и в лежащем за Байкалом нагорье».

На обратном пути через Байкал учёный почерпнул множество интересных сведений о происхождении и природе, о флоре и фауне этого уникального водоёма. Во время переправы через озеро Паллас и его спутники попали в шторм. «...Только мы отвалили от берега, — записывает он в своём дорожном дневнике, — такой жёсткий задул ветер, что принуждены были воротить лодку по валам, если не хотели с ней опрокинуться... Ветер, дуя, переклонял на одну сторону. И потому отбивал от берега так далеко, что мы с величайшею нуждою и почти видимой опасностью насили к ближайшему берегу приблизились, без чего нам неотменно пропасть было должно».

Байкал произвёл на учёного огромное впечатление: «...Самое море подобно ужасной пропасти, которая разбитые хребты берегами себе имеет и в которую взявшаися оттоль реки стекались. Самой набережной гребень везде по себе следы имеет тяжких и насильственных прошедших приключений, также знаки отдалённой древности».

Пытаясь объяснить тайну происхождения озера, Паллас делает ряд важных наблюдений: «Находясь горы вокруг Байкала состоят сверху донизу из разбитых камней, не вместе опять сплочённых, отчего в воде всё дно почти состоит из таких больших и малых камешков, водою окружённых и песком меж собою сплочён-

ных. Сей род камней доказывает ужасное какое-нибудь бывшее байкальских гор раздробление, потому что он не иначе как под водою зачатым и страшным землёю проломом с такой вершины горы должен быть воздвигнут, кои перпендикулярная высота более нежели ста сажен».

Узнал учёный и о редкостных представителях животного мира озера. Впервые в Российской академии наук от него поступило сообщение о диковинной рыбке-голомянке, которая «держится в глубочайших, только для Байкала, хлябях... Солюю рыба столь тверда, как кусок сала, и, справедливо, так жирна, что если жарить, так одни спинные позвонки и останутся, а прочее всё расплывається».

С удивлением Паллас отмечает в своём дневнике тот факт, что в пресноводном водоёме живёт морская зверь — тюлень. Подробно учёный описывает и омуля, указывая, что эта рыба «валовая, как и пролётная птица. Каждый год туда обращается, где она зачалась, и не скоро там икру свою бросает, где она сама народилась. Поход омулей здесь за Байкалом везде слышатся».

О происхождении омуля и байкальской нерпы Паллас создаёт свою, оригинальную для того времени теорию: «Полагаю, что омуль в Байкале ни откуда, как с Ледовитого океана завёлся. Первые омули, пробравшиеся Енисеем и Ангарою до Байкала, может быть, шли прямо в полуденные и восточные реки, где пометав свою икру, оставили своим потомкам в склонность всегда к оным водам возвращаться».

Всё, что намечалось Палласом в начале экспедиции, было им осуществлено. В 1774 году на шестом году своего путешествия, исколесив почти всю Россию, академик вернулся в столицу. Результаты этой выдающейся экспедиции вышли в свет на немецком языке в виде трёхтомного труда под названием «Путешествия по разным провинциям Российского государства», а затем в 1778 году были переведены на русский язык Ф. Томанским и переизданы ближайшим помощником Палласа, участвовавшим в поездке по Бурятии, В. Зуевым.

НИНА СЛЕПНЁВА,

По материалам работы Евгения Голубева «Бурятия глазами Палласа»

